

DOI: 10.15643/libartrus-2018.1.8

Государственная экспроприация продуктов питания в деревне эпохи «военного коммунизма»

© Р. А. Хазиев^{1*}, М. А. Хазиева²

¹Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

²Башкирский институт физической культуры

Россия, Республика Башкортостан, 450077 г. Уфа, улица Коммунистическая, 67.

*Email: khazievra@mail.ru

В статье рассматривается серия драматических процессов, пережитых Россией в 1914–1921 гг.: Великая российская революция, Гражданская война, экспроприации и реквизиции в деревне, голод. Авторы, анализируя названные события, показывают как они способствовали полному разрушению статус-кво, связанного с царским режимом, и привели к возникновению и, в конечном счете, повсеместному укоренению насилия, широко применяемого большевиками в эпоху «военного коммунизма». В статье подробно раскрывается механизм повседневной деятельности руководителей губернского, уездного и волостного звена, которые высказывая глухое недовольство разверсткой и воинствующим поведением продотрядов, посылаемых в деревню для насильственной «ссыпки» хлеба, использовали различные инструменты воздействия на центральную власть, чтобы побудить ее скорректировать хозяйственно-убыточную и явно подрывающую политическую стабильность на местах линию массового, силового изъятия у крестьян продуктов питания. Показано, как использование государственного прессинга в отношении крестьян обернулось разрушительным ударом в виде запустения хлебопроизводящих районов страны, неимоверным падением производительности труда в деревне, что в определенной степени привело к «большому голоду» 1921–1922 годов. Дана многофакторная оценка не только продовольственным отрядам, которые неумно конфисковывали «излишки» зерна у «кулаков», запас семян, предназначенных для весенней и озимой посевной, забирали «текущую еду у крестьян», лишая их жизненно-важного питания, но и эффекту резкого падения крестьянского энтузиазма, обернувшегося упадком сельскохозяйственного производства, что также предопределило «вспышку голода». Исследуют авторы и такое сложное явление, как стремление Центральной власти дисциплинировать региональный административный аппарат по исполнению разверстки, что постоянно приводило к негласным конфликтам между столичными управленцами и провинциальными партийно-советскими работниками, учитывая областнические проявления периода «военного коммунизма». Выявленные противоречия между Центром и регионами, интерпретируются в широком контексте политической формулы, во чтобы то ни стало сохранения местными начальниками своего статуса в качестве нового управленческого класса на местах.

Ключевые слова: Великая российская революция, Гражданская война, «военный коммунизм», разверстка, экономическая история.

Победа большевиков в октябре 1917 г. сначала в Петрограде, а вскоре и на большей части бывшей Российской империи вовсе не означала их окончательного политического триумфа. После октября 1917 г. свершившаяся Великая российская революция стала набирать обороты. Утверждавшаяся в стране власть Советов столкнулась не только с доставшейся в наследство

хозяйственной разрухой, вызванной, в первую очередь, Первой мировой войной, но и с новыми военно-политическими и экономическими вызовами. Свалившееся на большевиков бремя ответственности было настолько тяжелым, что достаточное число их противников было уверено в их непродолжительном существовании в условиях отсутствия у новоиспеченной советской власти хоть какого-либо опыта государственного управления таким огромным государством, как Россия. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют дискуссии современных зарубежных россиеведов, определявших с позиции новейшего исторического прочтения феномен становления и утверждения «диктатуры пролетариата» в революционной России [1–3].

Однако в целом бескровное и достаточно быстрое распространение советской власти в стране продолжалось недолго. Оно прервалось весной 1918 г. Начавшийся и продолжавшийся в течение почти трех лет братоубийственный конфликт «не на жизнь, а на смерть» между большевиками и их политическими противниками превращал страну в руины. Население, особенно крестьяне, в высшей степени позитивно воспринявшие отвечающий их экономическим интересам декрет «О земле», очень быстро оказались в еще худших условиях лишений и нищеты, чем это было до революции. Развязавшаяся Гражданская война, вызвавшая многочисленную гибель сражавшихся друг с другом солдат, офицеров и командиров двух непримиримых армий, помимо этого сопровождалась болезненной ломкой сложившегося уклада жизни, «катастрофическим исходом» миллионов людей за пределы России, массовыми бедствиями, болезнями, эпидемиями, ростом беспризорности и т.д.

Война, дестабилизировав и без того резко ухудшившуюся к весне 1918 г. экономику страны, катастрофично переживавшей полосу экспроприации движимого и недвижимого имущества «экспроприаторов», породила еще одну угрожающую существованию власти большевиков проблему – небывалый дефицит продовольствия. Ленин и его соратники понимали, что на голодный желудок победить в схватке с «белыми» будет невозможно. Для того чтобы удержать власть в своих руках и успешно провести военную кампанию, надо было постоянно кормить армию, хотя бы на минимальном уровне обеспечивать продовольствием рабочих промышленных предприятий, а также городское население. Сложность ситуации состояла еще и в том, что промышленность, разрушаемая скоротечной национализацией, не производила нужной крестьянам продукции, в отсутствие которой от селян требовалось «ради сохранения завоеваний Октября» безвозмездно отдать хлеб государству в товарных объемах, необходимых Совнаркому для «ликвидации голода».

Вожди большевиков и особенно сельхозпроизводители отлично помнили введенную во время Первой мировой войны продразверстку А. А. Риттиха [4, с. 167–183], которой аграрии тогда активно сопротивлялись. Тем не менее вскоре после октября 1917 г. новая власть революционно заимствовала продразверстку А. А. Риттиха, сделав упор на еще более жесткое, военно-командное «выкачивание» хлеба из деревни. В условиях нарастающего в период Гражданской войны уменьшения запасов продовольствия, летом 1918 г. в хлебопроизводящих губерниях России, к которым, безусловно, относилась и большая часть уральского региона, развернулась настоящая «охота» по изъятию хлеба у «жирующих кулаков-мироедов», не понимавших всей сложности «исторического момента» [5, с. 55]. Отправляемые в сельскую местность вооруженные отряды нещадно изымали любые съестные припасы, которые находили у крестьян, карая без разбора всех, кто высказывал недовольство или оказывал сопротивление [6, с. 147].

Потеря Центром, особенно в начале Гражданской войны, ранее подвластных ему хлебопроизводящих территорий ужесточила проведение разверстки на селе. Наркомпродовцам, преимущественно только в результате оказания силового давления на селян, удалось с конца июля 1918 г. до начала октября 1918 г. «собрать» более 9 млн пудов зерновых из находившихся под контролем Совнаркома Воронежской, Вятской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской губерний [7, с. 22]. Лидеры советского государства, понимая плачевность продовольственной ситуации, порожденной не только начавшимся кровопролитным противоборством, а, в большей степени, большевистским доктринерством о бестоварном социализме, 11 января 1919 г. ввели общегосударственную продовольственную разверстку [8, с. 292–294].

Насильственная реквизиция около 500 млн пудов только хлебофуража, не говоря уже о массовой выкачке в течение 1919–1921 гг. из деревни других продуктов сельхозпроизводства, буквально за два разверсточных года разорила деревню [9 с. 425, 430; 10 с. 30]. Крестьяне, не желая превращаться в «советских крепостных», отчаянно мстили большевикам. Так, они массово забрасывали обработку пахотных земель, производили ровно столько продукции, сколько могло хватить «для прокорма» членов семьи, пускали под нож скот, лишь бы он не достался «задарма» государству.

Крайне негативное и недружелюбное отношение сельского населения к советской власти не только постоянно фиксировали, но и ежедневно ощущали на себе рядовые управленцы на местах. Они, видя, что разверстка и бесчинства продотрядников при ее выполнении «взрывают крестьян», «делают» их «лютыми врагами советской власти», периодически «сигнализировали наверх» о безвозвратно надвигающемся «хозяйственном разрушении деревни дотла».

Одними из первых, кто в начале 1921 г. поднял тревогу из-за непосильных тягот, возложенных по разверстке на крестьян, были районные продработники Оренбургской губернии [11, л. 1–2]. С ними оказались солидарны не отличавшиеся сентиментальностью военачальники отдельных частей Красной Армии, расквартированные в тот момент в Оренбургской губернии. Боевые командиры, много повидавшие на фронтах Гражданской войны, придя в ужас от произвола, творимого продотрядниками, срочно и без согласования с Центром издали приказ об изъятии у «распоясывавшихся сборщиков хлеба» оружия [12, л. 30].

В соседней Уфимской губернии в январе 1921 г. количество жалоб в проверяющие органы на продработников, «безудержно обиравших крестьян», было столь велико, что их не успевали прочитывать, не говоря уже о том, чтобы хотя бы формально реагировать [13, л. 13]. Под натиском возрастающего в деревне недовольства разверсткой и «разгульного поведения» продотрядников, «нечеловечно ее осуществлявших», дрогнули полномочные представители Наркомпрода в Уфимской губернии. Невзирая на возможные «оргвыводы» со стороны грозного главы Наркомпрода И. Д. Цюрупы, отличавшегося суровым нравом, члены Уфимского губпродкома коллективно информировали его, что дальнейшее исполнение разверстки неминуемо ведет как к полному экономическому упадку, так и к абсолютному политическому краху советской власти [14, л. 13]. Уездные партработники Уфимской губернии высказывались еще резче, считая, что советская власть сама себя губит, озлобляя крестьян, «стонущих» под гнетом разверстки [15, л. 65].

В Малой Башкирии, стремясь остановить разрастание самочинно образовавшихся в кантонах вооруженных отрядов из крестьян, требовавших «ликвидировать разверстку» и разрешить «свободную торговлю», по умолчанию начали игнорировать циркуляры Наркомпрода

РФ И. Д. Цюрупы об усилении реквизиции хлеба и его срочной отправки в голодающий Центр. Боязнь вспышки «всесокрушающего крестьянского бунта» привела к тому, что в начале марта 1921 г. в кантпродкомы Малой Башкирии поступил циркуляр Башнаркомпрода, в котором фактически объявлялось об окончании хлебной развертки на территории края [16, л. 15].

В это же время на различных совещаниях отдельные партийно-хозяйственные работники Екатеринбургской губернии возмущенно стали говорить о продовольственной катастрофе, вызванной «неуемно проводимой разверткой», которая «медленно уничтожает» советскую власть. Ситуация в Екатеринбургской губернии, руководство которой отличалось «особой дисциплинированностью» в выполнении всех текущих и срочных продовольственных нарядов, присылаемых из Наркомпрода, была на грани массового голода сельского населения. Ретивое выполнение местными продорганами развертки, в ходе которой изымалось зерно из «посевого фонда», привело к тому, что к весне 1921 г. недостаток продовольствия в большинстве волостей Екатеринбургской губернии, доходящий до 80% от требуемого минимума, обрекал крестьян на «всеобщий мор» [17, л. 68–70].

В Челябинской губернии для того чтобы открыть «глаза Центру» на то, как «дело обстоит на самом деле», с начала 1921 г. стали организовывать поток жалоб, которые шли «на самый верх» непосредственно от землепашцев [18, л. 41]. В губпродкоме Челябинской губернии активно использовали и другой, как считалось, действенный вариант давления на Москву, желая, чтобы Наркомпрод быстрее отменил «никому не нужную и крайне вредную развертку»: челябинский продкомитет с января 1921 г. стал буквально забрасывать Наркомпрод своими докладами. В посланиях натуралистически, вплоть до мельчайших подробностей, описывались сцены повседневной бурной, эмоциональной реакции крестьян на действия губернских продработников, вынужденных изымать у селян хлеб. Суть этих докладов Наркомпроду, отчасти обличаемых в эзоповскую форму, фактически сводилась к тому, чтобы донести одну страшную истину: сельское население от «нещадной выгребки хлеба» начало гибнуть [19, л. 65]. Угроза вымирания деревень в Челябинской губернии от надвигающегося голода не тронула Наркомпрод. В комиссариате продовольствия традиционно посчитали, что на местах намеренно «сгущают краски», и в качестве отрезвления выдали сверхплановый наряд местным продработникам. Их обязали в течение марта 1921 г. срочно отправить из губернии 1 млн 400 тыс. пудов хлеба [20, л. 138]. Челябинские продчиновники не посмели ослушаться приказа Наркомпрода, но предупредили Москву, что все теперь в губернии «приговорены к гибели», так как массового голода отныне не избежать [21, л. 138].

Гражданская война была, скорее, не оправдательным, а выгодным для Совнаркома обстоятельством, позволяющим с марксистско-ленинской точки зрения обосновать, а затем объяснить населению жизненную необходимость проводимого большевиками в условиях «обострения классово-борьбы» последовательного командно-административного управления как деревней, так и всей экономикой социалистического государства в целом. Большевики, методично искореняя с октября 1917 г. товарно-денежные отношения и заменяя их планово-государственными нарядами в виде развертки для деревни, получили в ответ тяжелейшее «расстройство» крестьянского хозяйства, омертвляемого полным отсутствием у селян материального стимула производить любую сельхозпродукцию ради мифической победы «коммунизма во всем мире».

Отчетливо обозначившееся в начале 1921 г. недовольство региональных управленцев безрассудной политикой Центра, фанатично, словно в отрыве от сложившейся в стране хозяй-

ственной реальности осуществлявшего разверстку, конечно, не являлось формированием оппозиции на местах. Губернские руководители и их подчиненные в уездах, волостях, кантонах откровенно боялись за свое шаткое положение, которое в одночасье могло рухнуть в случае взрыва, явно назревающего «всенародного бунта». Провинциальные партийно-хозяйственные чиновники, озабоченные в большей степени собственной судьбой, как умели и позволяла ситуация, доносили до вышестоящих партийных и советских руководителей «глас пахарей», предельно негодующих и страдающих от убийственной разверстки. Своими «отчаянными» посланиями в Москву, больше похожими на мольбу, местные функционеры преследовали цель скорейшего понимания Наркомпродом всех обстоятельств неукротимо приближающейся для советской власти экономической и политической смерти, которую если и можно еще избежать, то только принятием какого-либо срочного решения, позволяющего предотвратить надвигающийся коллапс [22, л. 29].

Крестьяне, сполна испытав на себе в период Гражданской войны революционное администрирование деревни, в высшей степени были разочарованы в аграрной политике большевиков, которая у них прочно ассоциировалась с беспросветным существованием при постоянных грабежах «налетчиков-продотрядников». На начало 1921 г. степень неприятия сельским миром «большевистской разверстки» была столь велика, что даже когда правительство объявило о начале нэпа, сельхозпроизводители вплоть до весны 1923 г. находились в своеобразном оцепенении, до конца не веря, что засеянное и выращенное ими, насильно «не изымут». Когда крестьяне удостоверились, что их в очередной раз не обманывают, и продналог – это не временная мера, с осени 1922 г. до осенней страды 1923 г. валовой сбор хлебофуража, составив 409 млн 561 тыс. пуд., показал только за один год стремительный прирост в 183 млн 194 тыс. пуд. Это был настоящий триумф нэпа, по сравнению с предыдущим, достаточно скромным результатом осени 1922 г., когда было собрано всего лишь 226, 367 млн хлебофуража [23, с. 425, 430; 24, с. 18].

Какие бы попытки ни предпринимали на местах, чтобы доказать «очевидную зловредность» разверстки, окончательное слово оставалось за партийно-государственными вождями. Было бы неверным утверждать, что провинциальный аппарат вообще был отлучен от формирования политико-хозяйственного курса РКП(б). Степень распространения и утверждения командного администрирования сельским хозяйством имела как общероссийские, так и региональные черты. В ряде регионов (в т.ч. и на большей части Урала), где после октября 1917 г. получили распространение «областнические проявления», территории «бурлили» от повстанческих движений, наблюдалось массовое уклонение «трудоспособных граждан» от обязательных работ, недовольство своим полуголодным существованием рабочих [25, л. 81]. В «неспокойных регионах» центральная власть так и не смогла добиться окончательного формирования военно-коммунистической системы, не говоря уже об огромных территориях на Востоке России, которые были освобождены Красной Армией от политических противников большевиков практически к моменту завершения эпохи «военного коммунизма». Таким образом, за исключением близких к Москве губерний, на остальной части России не удалось ударными темпами в полной мере внедрить социалистический способ производства и государственное распределения итогов сельскохозяйственного труда.

Чем дальше был регион от Центра, тем больше крестьяне противостояли различного рода «взыскиванию» продуктов питания из деревни. Отчасти это происходило при негласном «по-

пустительстве» местных руководителей, которые не решались идти на крайние меры по «выбиванию» хлеба из селян, понимая, что это может быть чревато восстаниями с непредсказуемыми последствиями. Провинциальные управленцы банально хотели выжить и политически сохраниться. Однако это вовсе не означало продуманного и чуть ли не внутривластного оппозиционного отграничения региональных руководителей и отгораживания подведомственных им территорий от общеэкономической и политической линии Центра.

Сложность протекания хозяйственных процессов в эпоху «военного коммунизма» проявилась еще и в том, что в ряде хозяйственных субъектов, как, например, в Малой Башкирии, значительное время существовал необременительный для селян прототип будущего общероссийского продналога, который, конечно, в период Гражданской войны назывался в национальном регионе разверсткой. Путь социального партнерства с сельским населением избрал Сибревком, которому в условиях «изобилия сибирского хлеба» удалось организовать самотеком «ссыпку хлеба», подъемную для крестьянских хозяйств [26, с. 44–45; 27, с. 67–78].

Однако какой бы ни была хозяйственная специфика на местах, всеобщим было устремление крестьян всеми имеющимися силами противиться выполнению разверстки, тем самым систематически подрывалось командное администрирование экономикой, что не позволяло государству рассчитывать на постоянно пополняемую продовольственную базу, обрекая диктатуру пролетариата на голодное существование и в итоге на потерю власти. В сложившейся критической ситуации вынужденный переход от «военного коммунизма» к нэпу, означавший конец «разверсточного грабежа» селян, позволил большевикам сохранить однопартийную власть и с наименьшими издержками разрешить назревший в стране политический и социально-экономический кризис.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №180384).

Литература

1. Smith S. A. *Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press, **2017**. Pp. 455.
2. Steinberg M. D. *The Russian revolution, 1905–1921*. Oxford: Oxford University Press, **2017**. Pp. 388.
3. McMeekin S. *The Russian revolution: a new history*. London: Profile Books Ltd, **2017**. Pp. 446.
4. Мацузато Кимитака. Продразверстка А. А. Риттиха // *Acta slavica iaponica*. Sapporo, **1995**. Т. 13.
5. *Южное Зауралье в период Гражданской войны (1918–1920 гг.): Сб. док. и материалов* / Сост. З. И. Бушманова, В. А. Горелов, В. И. Князева. Курган: Сов. Зауралье, **1963**. С. 288.
6. *Воткинск. Документы и материалы. 1758–1998* / Сост. С. В. Горбачева, Е. П. Никонова, Н. Г. Пушкарева. Ижевск: Удмуртия, **1999**. С. 351.
7. *Второй год борьбы с голодом: Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1918–1919 год* / Под ред. Наркомпрода. М.: Изд-во Наркомпрода, **1919**. С. 57.
8. *Декреты Советской власти* / Сост. С. Н. Валк. М.: Политиздат, **1968**. Т. IV. С. 731.
9. *Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923. За пять лет работы ЦСУ* / Под ред. М. Красильникова. М.: Изд-во ЦСУ, **1924**. Т. 18. С. 481.
10. *Три года борьбы с голодом: Краткий отчет о деятельности Народного комиссара по продовольствию за 1919–1920 год* / Под ред. Наркомпрода. М.: Изд-во Наркомпрода, **1920**. С. 124.
11. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 128. Оп. 1. Д. 145.
12. ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. **1333**.
13. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 97. Оп. 1. Д. 152.
14. НА РБ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 152.
15. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 403.
16. НА РБ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 113.
17. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 245 а.

18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. **1943**. Оп. 2. Д. 593.
19. РГАЭ. Ф. **1943**. Оп. 2. Д. 593.
20. РГАЭ. Ф. **1943**. Оп. 2. Д. 593.
21. РГАЭ. Ф. **1943**. Оп. 2. Д. 593.
22. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 383 а.
23. *Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923. За пять лет работы ЦСУ* / Под ред. М. Красильникова. М.: Изд-во ЦСУ, **1924**. Т. 18. С. 481.
24. *Четыре года продовольственной работы: Статьи и отчетные материалы* / Под ред. Наркомпрода. М.: Госиздательство, **1922**. С. 289.
25. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. **1647**. Оп. 1. Д. 11.
26. *Метельский Н. Н. Деревня Урала в условиях «военного коммунизма»*. Свердловск: УрО АН СССР, **1991**. С. 65.
27. Прошин В. А. Свертывание свободной торговли в Сибири в условиях «военного коммунизма» (конец 1919 – начало 1921 гг.) // *«Сибирь – мой край»...: Проблемы региональной истории и исторического образования: Сб. науч. тр.* Новосибирск: Изд-во НГПУ, **1999**. С. 67–78.

Поступила в редакцию 10.02.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.1.8

State expropriation of food products in the countryside in the epoch of “war communism”

© R. A. Khaziev^{1*}, M. A. Khazieva²¹*Bashkir State University*

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

²*Bashkir Institute of Physical Culture*

67 Kommunisticheskaya Street, 450077 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

*Email: khazievra@mail.ru

The authors of the article study a series of traumatic events from 1914 to 1921 that Russia lived through: the Bolshevik revolution, the Civil War, expropriations and requisitions in the countryside, and famine. Analyzing these events, the authors show, how they contributed to the complete breakdown of the status quo associated with the tsarist regime and led to the emergence and, eventually, to the widespread perpetration of violence widely used by the Bolsheviks in the era of “war communism”. The authors studied daily activities of different local officials, who expressed hidden dissatisfaction with the food levy (*prodrazverstka*) and aggressive behavior of armed food collectors (*prodotryady*) sent to countryside for a violent expropriation of grain. Local officials used different means to make impact on Moscow officials to encourage the country leaders to correct the policy of total voluntarist requisition of the peasants’ food. This policy led to heavy food losses and clearly undermined political stability at the periphery. It is shown, how the use of state pressure against peasants turned into a devastating blow to the productivity in rural regions, and which to a certain extent led to “the Great Famine” of 1921–1922. A multi-factor assessment was given to the activities of armed food collectors, who irrevocably confiscated not only “surplus” of “kulak” grain, but also the stock of seeds intended for spring and winter sowing; they took the rations of peasant families, depriving them of vital food. The confiscations resulted in a sharp drop of peasant enthusiasm, which turned into a decline in agricultural production, which also was an important motive for the outbreak of famine. Taking into account the regional trends in the period of “war communism”, the authors study such a complex phenomenon as the desire of the Soviet government to discipline the regional officials for the implementation of the grain requisition, which constantly led to backroom conflicts between Moscow and local soviet officials. The revealed contradictions between Moscow and the regions are interpreted in the broad context of the political formula, which boils down to the urge of local officials to retain their status as a new administrative class in their regions.

Keywords: Great Russian revolution, Civil War, war communism, requisitions, economic history.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Khaziev R. A., Khazieva M. A. State expropriation of food products in the countryside in the epoch of “war communism” // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 1. Pp. 72–80.

References

1. Smith S. A. *Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 455.
2. Steinberg M. D. *The Russian revolution, 1905–1921*. Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 388.
3. McMeekin S. *The Russian revolution: a new history*. London: Profile Books Ltd, 2017. Pp. 446.
4. Matsuzato Kimitaka. *Acta slavica iaponica*. Sapporo, 1995. Vol. 13.
5. *Yuzhnoe Zaural'e v period Grazhdanskoi voiny (1918–1920 gg.): Sb. dok. i materialov [The southern Trans-Urals during the Civil War (1918-1920): Collection of documents and materials]*. Comp. Z. I. Bushmanova, V. A. Gorelov, V. I. Knyazeva. Kurgan: Sov. Zaural'e, 1963. Pp. 288.

6. *Votkinsk. Dokumenty i materialy. 1758–1998 [Votkinsk. Documents and materials. 1758-1998]*. Comp. S. V. Gorbacheva, E. P. Nikonova, N. G. Pushkareva. Izhevsk: Udmurtiya, **1999**. Pp. 351.
7. *Vtoroi god bor'by s golodom: Kratkii otchet o deyatel'nosti Narodnogo komissariata po prodovol'stviyu za 1918–1919 god [The second year of the fight against hunger: Summary of the activities of the People's Commissariat for Food for 1918-1919]*. Ed. Narkomproda. Moscow: Izd-vo Narkomproda, **1919**. Pp. 57.
8. *Dekrety Sovet-skoi vlasti [Decrees of the Soviet government]*. Comp. S. N. Valk. Moscow: Politizdat, **1968**. T. IV. Pp. 731.
9. *Sbornik statisticheskikh svedenii po Soyuzu SSR 1918–1923. Za pyat' let raboty TsSU [Collection of statistical information on the Union of SSR 1918-1923. For five years of work of the Central Statistical Bureau]*. Ed. M. Krasil'nikova. Moscow: Izd-vo TsSU, **1924**. Vol. 18. Pp. 481.
10. *Tri goda bor'by s golodom: Kratkii otchet o deyatel'nosti Narodnogo komissara po prodovol'stviyu za 1919–1920 god [Three years of the fight against hunger: Summary of the activities of the People's Commissar for Food for 1919-1920]*. Ed. Narkomproda. Moscow: Izd-vo Narkomproda, **1920**. Pp. 124.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (GAOO). F. 128. Op. 1. D. 145.
12. GAOO. F. 166. Op. 1. D. **1333**.
13. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). F. 97. Op. 1. D. 152.
14. NA RB. F. 97. Op. 1. D. 152.
15. NA RB. F. 1. Op. 1. D. 403.
16. NA RB. F. 98. Op. 1. D. 113.
17. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TsDOOSO). F. 76. Op. 1. D. 245 a.
18. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE). F. **1943**. Op. 2. D. 593.
19. RGAE. F. **1943**. Op. 2. D. 593.
20. RGAE. F. **1943**. Op. 2. D. 593.
21. RGAE. F. **1943**. Op. 2. D. 593.
22. NA RB. F. 1. Op. 1. D. 383 a.
23. *Sbornik statisticheskikh svedenii po Soyuzu SSR 1918–1923. Za pyat' let raboty TsSU [Collection of statistical information on the Union of SSR 1918-1923. For five years of work of the Central Statistical Bureau]*. Ed. M. Krasil'nikova. Moscow: Izd-vo TsSU, **1924**. Vol. 18. Pp. 481.
24. *Chetyre goda prodovol'stvennoi raboty: Stat'i i otchetnye materialy [Four years of food work: Articles and reporting materials]*. Ed. Narkomproda. Moscow: Gosizdatel'stvo, **1922**. Pp. 289.
25. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO). F. **1647**. Op. 1. D. 11.
26. *Metel'skii N. N. Derevnya Urala v usloviyakh «voennogo kommunizma» [Village of the Urals in conditions of "war communism"]*. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, **1991**. Pp. 65.
27. Proshin V. A. «Sibir' – moi krai»...: *Problemy regional'noi istorii i istoricheskogo obrazovaniya: Sb. nauch. tr.* Novosibirsk: Izd-vo NGPU, **1999**. Pp. 67–78.

Received 10.02.2018.